

Дружба народов

1963

И под взглядом гостя, ласковым и странным,
ощущая глаз его веселых власть,
эта девушка ударила по струнам —
и степная наша песня полилась.

То кричала, то звучала тише, глуше,
то, казалось, щек касалась, губ и рук.
Гость молчал, он отодвинул чай и слушал,
так, как будто стало песней все вокруг.

Пело все, что вдалеке, и все, что рядом...
А когда домбра умолкла, гость привстал
и, калмычку одарив сердечным взглядом,
подошел к ней и ее поцеловал.

Но степнячка, оттолкнув его сурово —
не смотрите, что на вид кротка, добра,—
гостя по лбу — хватя! — домброй своей сосновой
так, что раскололась надвое домбра.

Был смущен и удивлен поэт великий.
Он, должно быть, и не думал о таком:
он не знал, что не целуются калмыки,
степнякам такой обычай незнаком...

Но с тех пор счастливой памятью поэту,
той, что тверже, чем металл и чем гранит,
дар давно минувших лет, привычку эту
и в сердцах и на устах калмык хранит.

Нам великий Пушкин славный дар оставил,
суть которого прекрасна и чиста.

В поцелуй

всегда

с влюбленными устами

пусть сливаются влюбленные уста!

Перевод Риммы КАЗАКОВОЙ.

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

СОЛНЦЕ В ЗАПОЛЯРЬЕ

Как-то в обеденный перерыв
мир изменился вдруг:
«Солнце! Солнце!» — дверь отворив,
мне закричал мой друг.

А телефон, что дремал в тишине,
вдруг пробудился от сна:
«Солнце восходит!»—кричала мне
по телефону жена.

Бросив дела, восклицая: «Скорей!»,
по коридору толпой
люди бежали к просвету дверей,
звали других за собой.

Снег веселел, занимался, искрясь;
быстро светлели дворы.
Солнце восходило, не торопясь,
из-за вершины горы.

Словно малиновый месяц, огнем
тучи раскрашивало.
Как без него мы во мраке живем,
будто расспрашивало.

Вечное счастье для всех и всего,
данное всем и всему,—
как я три месяца жил без него,
право, и сам не пойму.

Солнце! Ты видишь? Мы вытерпели
долгую, долгую тьму...
Солнце!.. И, словно на митинге, мы
рукоплескали ему.

Когда иссякнут сил моих остатки
и вопреки рассудку вдруг,
как конь, чей повод в вихре скачки
наездник выронил из рук,—
любовь моя к тебе рванется
и речь
из родников души
освобожденная польется,—
не испугаешься ли ты?

Как прежде ли,
не избегая,
ты будешь другом звать меня?
Как прежде ль в тайны,
дорогая,
ты будешь посвящать меня?
И с детской радостью такою
в глаза доверчиво смотреть.
И руку маленькой рукою
мне пожимать в минуты встреч?

...Не надо!
Больше не могу!
Мне больно.
Прикованный к доверью твоему,
кляня другого, делаюсь невольно
сообщником твоей любви к нему.

И — как без слез порою плачут —
я ревную
без права и без слов...
Прошу тебя:
с ним обо мне,
а не о нем со мною
ты говори, любя иль не любя.
Не мать и не подруга я.
Иные
ты мне слова и мысли приготовь.
И не вверяй мне
тайн своих отныне
и дружбой
не карай мою любовь.

Небо синее внезапно почернело,
надо мной ударил гром.
Вижу:
    молния, исполненная гнева,
хлещет огненным ремнем.

Но опять блеснуло солнце надо мною,
снова тихо в небесах...
Прав поэт, который небо голубое
подсмотрел в твоих глазах.

Перевод Новеллы МАТВЕЕВОЙ.

ХАСЫР СЯН-БЕЛГИН

Я И МОЕ

«Я», «мое» — говорю не раз.
Но когда пою о своем —
о тебе я веду рассказ,
мы с тобой, читатель, поем.
Все мое оно — и твое.
Жизнь моя — твое бытие.

Я мое нахожу у всех.
«Я» в стихе моем значит «мы».
Я, себе не вменяя в грех,